

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-415-421

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права РАН
ORCID ID: 0000-0001-9846-0352
e-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируется ряд подходов к пониманию сущности организации государственной власти и специфики осуществления конституционного контроля в советском государствоведении 20-х годов XX века. В это десятилетие были заложены основные теоретические и практические предпосылки для будущего развития института конституционного контроля; несмотря на значительный идеологический контекст советской эпохи, учеными активно и творчески переосмысливались актуальные и сегодня вопросы о сущности и природе государственной власти, суверенитета, роли права и проверке конституционности законов. Положительное из опыта советского государствоведения может быть адаптировано к современным реалиям.

Ключевые слова: советское государствоведение 20-х годов XX века, пролетарское государство, советские конституции, организация государственной власти, Верховный суд СССР, конституционный контроль

DANILEVSKAIA-URBANOVA Inna Leonidovna,
senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector
of the Institute of State and law of the Russian Academy of Sciences,
candidate of legal sciences, Russia, Moscow

PROBLEMS OF ORGANIZING STATE POWER AND CONSTITUTIONAL CONTROL IN SOVIET STATE STUDIES OF THE 1920S IN THE 20TH CENTURY

Annotation. This article analyzes a number of approaches to understanding the essence of state authority and the specifics of constitutional review in Soviet political science in the 1920s. This decade laid the foundations for the future development of the institution of constitutional review. Despite the significant ideological context of the Soviet era, scholars actively and creatively rethought relevant questions about the essence and nature of state authority, sovereignty, the role of law, and the review of the constitutionality of laws. The positive lessons of Soviet political science can be adapted to contemporary realities.

Key words: Soviet political science of the 1920s, the proletarian state, Soviet constitutions, the organization of state power, the Supreme Court of the USSR, constitutional review

Для советского государствоведения 20-е годы XX века стали временем напряженной интеллектуальной трансформации, когда научная мысль не только стремилась активно участвовать в революционном строительстве, но и сохранять научную достоверность, формируя новые теории, осмысливая зародившиеся формы власти, отказываясь при этом от рационализма

западного права, его наследия и иных буржуазных шаблонов. Для образованного в 1922 г. Союза ССР, для РСФСР и других республик-членов Союза это был важнейший период формирования и развития их государственности, сопровождавшийся борьбой противоположных тенденций в политике, праве и экономике (установлена новая экономическая политика) со всеми слож-

ностями и противоречиями послереволюционного общества, когда закладывался политический и правовой фундамент советского федерализма, во многом определив на десятилетия последующую государственно-правовую историю СССР. Уже были приняты первые советские конституции – Конституция РСФСР 1918 г., а затем Конституция СССР 1924 г., являвшиеся не только юридическими документами, но и программными политическими декларациями, отражавшими глубокие идеологические сдвиги в отечественной конституционной истории, в истории отечественного государства и права. Переломный период переживала в целом советская юриспруденция, правовая система радикально переориентировалась на принципы марксистско-ленинской идеологии, происходила системная перестройка самой природы права, которое уверенно начинало трансформироваться в действенный инструмент классовой борьбы и больше не воспринималось в качестве универсального регулятора. В 1921 г. X съезд партии провозгласил переход к новой экономической политике, связанной в конечном счете с развитием торговли, товарно-денежных отношений, поиски эффективных форм организации социалистической экономики, форм, адекватных природе социализма и рассчитанных на длительное действие [1, с.79]. В эпоху нэпа мы уже не встречаем в законодательстве разрешения нарушать закон по соображениям революционной целесообразности. Напротив, в целом ряде законодательных актов и, прежде всего, в Конституции СССР устанавливается безусловная обязательность выполнения законов [2, с.21].

Исследователи отмечают, что для рассматриваемого периода было характерно отсутствие четкого разграничения между общей теорией государства и права и отраслевыми правовыми науками, что явилось следствием неразработанности общетеоретических проблем и, прежде всего, системы права; вопросы общей теории государства и права часто включались в работы, которые по своим проблематике и содержанию относились к государственно-правовым исследованиям в узком смысле этого понятия. Что касается содержательной стороны зарождающейся советской правовой науки, то она еще не была готова предложить целостные, соответствующие духу времени общетеоретические правовые идеи, ориентирующие отраслевые исследования [3, с.5].

Вместе с тем, анализируя ряд проведенных в первое десятилетие Советской власти государствоведческих исследований, можно констатировать, что несмотря на имевшуюся некоторую непроработанность подходов, в них не только присутствовали вполне сложившиеся теоретиче-

ские конструкции, но и происходил глубокий, интенсивный научный поиск новой модели политико-правовой мысли, переосмысление и критика важнейших понятий и категорий, сочетавшиеся с исторической конкретизацией, тенденциями к синтезу различных наук. Сформировавшаяся в условиях диктатуры пролетариата советская юридическая наука решала несколько основных задач: во-первых, радикально отрицала и максимально критично подходила к дореволюционным правовым теориям и институтам, во-вторых, разрабатывала новые представления и концепции понятий и институтов советского государственного строя, в том числе, в сфере организации государственной власти и конституционного контроля, в-третьих, критиковала аналогичные институты в буржуазных государствах. В контексте их решения освещалась и научная проблематика сущности и роли государства, высших органов государственной и судебной власти, развития советского судостроительства, понятий права, закона, революционного правосознания, революционной законности, взаимосвязанных с осуществлением правовой охраны конституции и проверкой конституционности законов.

В этот же период, называемый исследователями периодом «относительной идеологической свободы», начинают выходить различные периодические издания: частный журнал «Право и жизнь», в редколлегию которого вошли профессора А.М.Винавер, М.Н. Гернет и А.Н. Трайнин, с 1922 г. - журнал «Советское право» (преобразованный в «Записки института советского права»), учрежденный Институтом советского права, первым советским научным учреждением, созданным для объединения и подготовки марксистских кадров в области юриспруденции и структурным подразделением Социалистической (Коммунистической) академии. В числе наиболее активных публицистов в 1922-1925 гг. выступали Д.И.Курский, П.И.Стучка, Д.А. Магеровский, А.И. Елистратов, М.М. Исаев, П.И. Люблинский [4, с.111-112].

Издавалось большое количество юридической научной и научно-популярной литературы по различным вопросам и проблемам советского права, комментировалось новое законодательство. Государственное издательство «Москва-Ленинград» выпускало специальную рубрику «Книги юридической серии», в рамках которой готовились издания, рассчитанные как на научную аудиторию, так и на широкий круг читателей [5; 6; 7].

Политическая ситуация 1920-х годов допускала определенный плюрализм научных исследований, публицистической деятельности либо в направлениях, не требовавших четкой классовой оценки, либо в рамках формального признания марксистского метода [4, с.111].

В государственноведческих исследованиях отражались глубокие идеологические переживания эпохи, это не была лишь академическая полемика, в них активно переосмысливались государство, как объект теории и практики, сущность природы власти, независимость права и конституционность законов, все те вопросы, которые и сегодня актуальны для отечественных правовых исследований. Как верно отмечено академиком РАН А.Н. Савенковым, проблемы государства, как фундаментальной структуры организации и управления общественными процессами никуда не исчезли. Теория государства не может довольствоваться только описательным характером социологического типа, это нормативно-критическая наука, в основе которой лежит юридический компонент [8, с.16].

Обратимся к ряду основных подходов. Трактовка государства в рассматриваемый период давалась, безусловно, с марксистских позиций, на которых и строились научные определения, понимание сущности, происхождения, роли и целей государства («государство есть орудие в руках господствующего класса для того, чтобы держать в подчинении угнетенные классы»). В основу революционного марксизма легла революционно-классовая точка зрения на государство, выдвинутая Марксом и Энгельсом и разработанная в трудах В.И. Ленина, научно обосновавшего пролетарский тип государства, впервые определившего его как государство, имеющее целью не эксплуатацию, а борьбу против эксплуатации, защиту неимущих классов от имущих. По отношению к государству задача пролетарской революции состояла в необходимости не только овладеть государственной машиной, пустить её в ход для своих собственных целей, но и разбить её [9, с.479].

Существенно, что формирование советской правовой доктрины, как и в целом становление нашей юридической науки, проходило в условиях их тесной взаимосвязи с политико-правовой практикой революционных преобразований первых лет Советской власти. Предстояло преодолеть широко распространенный в массах правовой нигилизм, создать нормативную основу и юридические механизмы регулирования экономических, политических и социальных отношений переходного периода, обеспечить пролетарский порядок и законность [10, с.106].

Государство и государственное управление занимало особое место в марксистско-ленинской теории социализма. Это было связано с двумя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, государству, использованию государственной власти, установлению диктатуры пролетариата отводилась решающая роль в проведении социалистического переустройства общества.

Во-вторых, само это переустройство включало в себя в качестве составной и неотъемлемой части, согласно марксистско-ленинскому учению, коренное изменение природы государства, содержание его деятельности и начало его отмирания [1, с.25].

Как указывалось в редакционном предисловии к «Энциклопедии государства и права», подготовленной в середине 20-х годов коллективом ученых Коммунистической Академии, затруднение в написании данной работы заключалось только «в чрезвычайно ограниченном количестве сотрудников, стоящих на революционно-марксистской точке зрения по вопросам права, при этом объединил авторов революционно-диалектический метод как в научной, так и в практической работе по праву классовый подход к изучению государства и права. «Мы, будучи материалистами, отмечалось далее, при изучении государства – права, исходим из материальных отношений людей, чтобы оттуда черпать понимание идей и понятий людей о своих же взаимоотношениях» [9, II]. Многотомная «Энциклопедия государства и права», среди авторов которой были П.И. Стучка, А.Я. Вышинский, Е.Б. Пашуканис, Г.С. Гурвич и др., стала, по существу, уникальной, первой марксистской работой советского государственноведения (в период с 1925 до 1930 г. было издано три тома энциклопедии), попыткой системного осмысления политической и правовой реальности молодого советского государства. Первоначально предполагалось издать Революционно-марксистскую энциклопедию общественных наук, затем Президиум Академии наук принял решение издать отдельную энциклопедию государства и права, в которой помимо сугубо юридических вопросов по всем отраслям права, затронуть темы социологии, этики, истории и философии, не задаваясь целью дать исчерпывающее их освещение, но отмечая их соприкосновение с областями права и государства, экономическими, социологическими и философскими проблемами. В ней не просто были систематизированы юридические понятия, это был правовой инструментарий переосмысления природы власти, сущности права, законности, общественных отношений в условиях построения социализма. Помимо правовых, политических и институциональных вопросов, в «Энциклопедии государства и права» нашли отражение и философские основы правового знания.

Существование государственной власти в пролетарском государстве не отрицалось, при этом подчеркивалось, что это власть нового типа, диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, коммуна была первым примером такой власти, а советская власть стала её развернутой и длительной формой. Уничтожение чиновничества

сразу и до конца Ленин называл утопией, отмечая, что в период новой экономической политики государство «вырывалось, как машина из рук, двигалось не туда, куда направляют, а туда, куда направляет что-то не то нелегальное, не то незаконное» [9, с.496, 493]. Новым государственным аппаратом, по существу, являлись Советы, они были выборными, сменяемыми, дающими вооруженную силу, связь с массами, соединяющим выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединяли в лице выборных представителей народа законодательную функцию и исполнение законов [9, с.671]. Можно отметить, что бюрократия, которую называли наследием гражданской войны, буржуазными элементами старого строя, тем не менее, частично возродилась и в советском государственном аппарате [9, с.250].

Профессор М.А. Рейснер, размышляя о носителе верховной власти и его организации, приходил к выводам, что из трех организаций, созданных пролетариатом – Советов, партии и профсоюзов, только Советы со своим широким самоуправлением одни оказались в состоянии заменить своим аппаратом и местную и центральную систему управления, и муниципалитет и земство; Советы могли дать возможность общения с массами и правильную линию работы. Рассматривать в качестве носителя верховной власти коммунистическую партию ученый не рекомендовал, отмечая риск её превращения в замкнутую, исключительную касту, а республику – в тиранию [11, с.307].

Базовый подход, как известно, состоял в том, что советская система должна была отличаться от буржуазных моделей, в которых ключевым принципом, как известно, являлось разделение властей. Советский государствовед А.Л. Малицкий, анализируя доктрину Ш.Л. Монтескье, известную, как теория разделения властей, согласно которой функции государственной власти делятся на законодательную, исполнительную и судебную и эти ветви власти независимы одна от другой, приходил к выводам о ее полной несостоятельности, классовой подоплеке и отсутствии необходимости у пролетариата проводить эту теорию в жизнь. Советский строй как государственную систему олицетворяли три органа высшей центральной власти, осуществляющие и объединяющие функции и законодателя и исполнителя закона одновременно (ЦИК, Съезд Советов и Совет Народных Комиссаров) [12, с.118-119].

Анализируя теории и доктрины буржуазной государствоведческой науки, советские государствоведы приходили к выводам о сохранении революцией понятия «территория – отечество», поскольку у рабочего класса имеется своё «соци-

алистическое отечество», которое он должен защищать от своих классовых врагов и об ином подходе к равноправию всех наций, понимаемому как право на их самоопределение, т.е. отделение [9, с.495]. Так, право нации на самоопределение Г.С. Гурвич считал её суверенитетом, отмечая уничтожение в Советском Союзе разделения между суверенитетом государства и суверенитетом нации [13, с.73]. В противоположность буржуазному государственному праву, советское государствоведение признавало суверенитет как независимость государств от каких-либо внешних сил, понимая его как определенное право их на отделение и самостоятельное государственное существование, признавая это право за всеми нациями [14, с.20].

Вопрос об отношении государства к праву и права к государству ставился в контексте рассмотрении роли права в образовании и поддержке правового порядка, и роли права в устройстве самого государства. Например, учение о правовом государстве А.Л. Малицкий трактовал как «учение о несвободном государстве», поскольку интересы отдельной свободной личности, индивидуализм, общественная гармония, на которых основано буржуазное понимание, абсолютно не согласуются с политикой советского государства, в котором советское право не расширяет прав личности, а подчинение закону обусловливается принципом классовой целесообразности [12, с.16].

На фоне глубокого переосмысления правовой природы государства, его властных структур и механизмов осуществления верховенства закона, в научный дискурс вошло понятие конституционного контроля – института, известного западноевропейской правовой традиции, как действенного механизма защиты прав граждан. Возникла дилемма: какой орган может осуществлять контроль за высшими (верховными) органами государственной власти, учитывая, что классические представления о разделении властей были признаны буржуазными конструктами и отвергнуты. Даже сама идея такого контроля вызывала разногласия, поскольку противоречила подходу о полной подчиненности всех юридических процедур политической воли руководящего класса. Споры касались не только формальной организации контроля, но и самого понятия конституционности.

Отметим, что уже в ряде норм Конституции РСФСР 1918 г. содержались, по существу, полномочия конституционного контроля, возложенные на Всероссийский съезд Советов (верховный орган власти в стране) и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет – ВЦИК, являвшийся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом в период

между съездами и осуществлявшим, в том числе, наблюдение за проведением в жизнь Конституции, постановлений Всероссийских съездов Советов, центральных органов Советской власти, рассмотрение и утверждение проектов и предложений Совета Народных Комиссаров. ВЦИК, а также его Президиум обладали правом отмены или приостановления решений Совета Народных Комиссаров. Следует отметить и особенность первых советских конституций в части порядка их принятия и изменения – этим правом были наделены верховные органы власти, что, безусловно, определяло как саму возможность реализации конституционного контроля, так и его объем.

В научной литературе отмечается ключевое значение положений Конституции РСФСР 1918 г. в области конституционного контроля в его парламентской форме, как системы парламентского самоконтроля с лежащим в её основе принципом сосредоточения всей полноты власти, включая конституционный контроль в руках верховного народного представительства [15, с.56]. Следующая советская Конституция СССР, принятая в 1924 г. наделяла рядом полномочий в сфере конституционного контроля Центральный Исполнительный Комитет – ЦИК СССР и его Президиум, который, в частности, имел право приостанавливать постановления Съездов Советов союзных республик, разрешать вопросы о взаимоотношениях между СНК СССР и народными комиссариатами СССР с одной стороны и ЦИК союзных республик и их президиумами – с другой. В свою очередь, республиканские органы могли опротестовывать декреты и постановления СНК СССР и Президиума ЦИК СССР.

Практика конституционного контроля в рассматриваемый период не имела и не могла иметь независимых судебных механизмов для своей реализации, поскольку судебная власть «не могла быть оторвана от всего политического и общественного строя страны, от всей системы государственного управления» [14, с.62] вместе с тем, основные теоретические и практические предпосылки для его будущего развития были заложены в это десятилетие. Специфика конституционного контроля заключалась также и в наличии федеративного государственного устройства. В СССР право отмены декретов и постановлений союзных республик принадлежало не суду, а высшим органам власти Союза с соблюдением обычной для построения советской власти иерархии. Вместе с тем, судебные органы Союза ССР принимали участие в проверке конституционности законов. Так, в 1923 г. было принято Положение о Верховном Суде СССР, конкретизированное в «Наказе ЦИК Верховному Суду СССР» 1925 г.,

согласно которому Верховный Суд СССР дает заключения по требованию Президиума ЦИК Союза о законности с точки зрения Конституции Союза ССР тех или иных постановлений центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров союзных республик, а также Совнаркома Союза. Представления о приостановлении и отмене постановлений и распоряжений центральных органов и отдельных Наркоматов Союза по мотивам несогласованности с Конституцией Союза делаются Верховным Судом СССР Президиуму ЦИК как по собственной инициативе, так и по предложениям центральных органов союзных республик, а также по предложению Прокурора Верховного Суда Союза и прокуроров союзных республик [14, с.62].

Названные функции конституционного надзора со стороны Верховного Суда СССР осуществлялись активно, например, в 1924 г. Верховный Суд СССР рассмотрел 1434 общесоюзных и 763 республиканских нормативных актов [15, с.60].

В советском государствоведении 20-х годов ряд авторов исследовали данную проблематику в основном в периодических изданиях, проводя научную разработку теории и практики механизмов проверки законов [16, 17, 18,].

Вопрос о существовании механизма проверки законности актов высших органов власти особенно со стороны судебных инстанций или специализированных органов рассматривался сквозь призму классового и пролетарского мировоззрения, где справедливость основывалась на пролетарском единстве и классовом равенстве. Закон и законность в советском государстве пролетарской диктатуры – были инструментом, а не идеалом, во главу угла ставилось не законодательство, поскольку главной задачей советской демократии являлось установление личного состава органов власти и управления, при этом верховным мерилom являлась революционная целесообразность и контроль рассматривался, в том числе, с точки зрения целесообразности [19, с.44-45].

Анализируя понимание революционной законности в период НЭПа, П.И. Стучка констатировал, что поскольку отступление к НЭПу было сделано в интересах рабоче-крестьянской революции, мы не отбрасываем закона, подчеркивал он, мы лишь точно определяем его роль и надлежащее место [9, с.827-828].

Актуальные и сегодня работы по теме конституционного контроля опубликовал профессор-государствовед В.К. Дябло.

В 1927 г. в Институте советского права он защитил диссертацию по теме «Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в

Союзе ССР», впоследствии изданную в виде монографии. В этой, написанной на высоком теоретическом уровне научной работе, рассмотрены формы развития буржуазных и советских конституций, сущность, свойства и формы конституций, организация и практика конституционного контроля в буржуазных государствах. В.К. Дябло приходил к выводам, что дать общую социально-политическую оценку конституционного контроля невозможно, поскольку его социальная роль зависит от классовой структуры данного государства и от всей совокупности социально-политических условий. Оценивая его как оружие социальной техники, которое имеет своей задачей охрану конституций, охраняя при этом не столько текст конституции, сколько политические и экономические принципы, положенные в основание конституционного акта, ученый подчеркивал, что конституция может изменяться постепенно путем практики высших государственных органов, которая в целом имеет громадное значение, но в отдельных своих проявлениях может состоять из актов, не имеющих серьезного политического значения. Актуальными остаются его выводы о том, что даже ничтожное нарушение конституции создает прецедент для дальнейшей практики в том же направлении, а систематическая юридическая проверка законодательства судами, с точки зрения конституции, является необходимым, вполне целесообразным восполнением социальных и политических гарантий. По мнению В.К. Дябло целесообразность института конституционного контроля и его непродолжительная практика в СССР показала, что это гарантирующий соблюдение основ конституции институт и господствующие в данном государстве социальные группы могут с успехом пользоваться им для утверждения своей власти [20, с.115-116]

Анализируя роль права и закона, В.К. Дябло приходил к выводам, что в советском государстве революционный закон господствовал над правом в соответствии с основной задачей советской власти, состоящей в постепенном вытеснении стихийных начал народного хозяйства и замене их плановой организацией социалистического хозяйства. Однако ученый считал невыясненным, в какой степени революционная законность вытесняет революционную целесообразность, и не является ли принцип целесообразности основой для особых методов толкования советских законов [2, с.22].

Форма проверки конституционности законов Верховным Судом Союза ССР в научных исследованиях оценивалась положительно, поскольку она «дает сочетание опытности и знания советского права, которым обладает Верховный Суд с единством советской политики, прово-

димой высшими органами Союза и дает основания надеяться на охрану Конституции от искажений и в том числе охрану предоставляемых конституцией союзным республикам их суверенных прав» [14, с.63].

Подводя итоги исследования, отметим, что дискуссии об альтернативах и иллюзиях нашего близкого и неблизкого прошлого являются исключительно важным способом осознания собственного места в координатах социального пространства и времени [22, с.44]. Государственное ведение периода 20-х г. XX в. было не только инструментом анализа власти, её институтов, но и её легитимации, определяя в конечном итоге основные политические цели государства и права, формируя новую политико-правовую модель с опорой на партию, как часть стратегии построения нового социалистического общества, основы будущего советского права и правовой культуры. Исследования советского государствоведения 20-х г. могут дать полезный опыт для исправления пробелов и уязвимостей современной правовой системы и модели управления, чтобы приумножать её достижения, не допуская повторения ошибок в условиях вызовов современных технологий и сохраняя право эффективным регулятором и в цифровую эпоху.

Список литературы:

- [1] Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. М.: Издательство «Наука». 1984. 256 с.
- [2] Дябло В.К. Буржуазная законность, советская законность и революционная целесообразность. //Советское право. № 6 (24). 1926. С. 20-40.
- [3] Становление и развитие советского государствоведения: исследования ученых 20-х годов. Часть I. «Проблемы власти». Серия: Наследие отечественного обществоведения. Сборник обзоров. Отв.ред. Ю.С.Пивоваров. М.: ИНИОН АН СССР. 1990. 185 с.
- [4] Ящук Т.Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения. //Вестник Омского университета, 1999. № 1. С. 111-114.
- [5] Вайсман С. Права трудящейся женщины по советским законам. М.-Л.: 1925. 87 с.
- [6] Магеровский Д.А. Государственная власть и государственный аппарат. М.-Л.: 1924. 180 с.
- [7] Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть особенная. Преступления против государства и социального порядка. М.-Л.: 1925. 256 с.
- [8] Савенков А.Н. Современные идеологемы и историография государствоведения (анализируя труды В.Е.Чиркина). //Государство и право. 2024. № 10. С. 10-22.

[9] Энциклопедия государства и права. Под ред. П.Стучка. В 3-х т. Т.1. М.: Издательство Коммунистической академии. 1929. 888 с.

[10] Зорькин В.Д. Советская правовая доктрина: опыт и уроки. 106 -115 с. // Коммунист. № 2. 1989. 106. 115 с.

[11] Рейснер М.А. Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р. В 3 ч. М.- Пг.: государственное издательство. 1923. 420 с.

[12] Малицкий А.Л. Советское государственное право. (Очерки). Харьков: Юриздат. 1926. 319 с.

[13] Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М.: Издание Социалистической Академии. 1923. 216 с.

[14] Турубинер А.М. Очерки государственного устройства СССР. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР. 1925. 64 с.

[15] Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М.: Институт государства и права РАН. 1996. 175 с.

[16] Винокуров А.Н. О конституционном надзоре. //Вестник Верховного суда СССР. № 1. 1925. С. 3-6.

[17] Винокуров А.Н. О Верховном суде СССР. //Еженедельник советской юстиции. № 29. 1924. С. 673-674.

[18] Загорье Б. Нужна ли нам судебная охрана конституции: (в порядке обсуждения). // Вестник советской юстиции. № 17 (123). 1928. С. 501-502.

[19] Архиппов К.А. Закон в советском государстве. М.-Л.: Государственное издательство. 1926. 157 с.

[20] Дябло В.К. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР. М.: Изд-во Наркомюста РСФСР. 1928. 118 с.

[19] Левада Ю.А. Динамика социального перелома: возможности анализа. // Коммунист. № 2. 1989. С. 36-45.

References:

[1] Piskotin M.I. Socialism and Public Administration. Moscow: Nauka Publishing House. 1984. 256 p.

[2] Dyablo V.K. Bourgeois Legality, Soviet Legality, and Revolutionary Expediency. // Soviet Law. No. 6 (24). 1926. Pp. 20-40.

[3] Formation and Development of Soviet Political Science: Research by Scholars of the 1920s. Part I. "Problems of Power". Series: The Legacy of Russian Social Science. A Collection of Reviews. Ed. Yu.S. Pivovarov. Moscow: INION AN USSR. 1990. 185 p.

[4] Yashchuk T.F. Legal Journals of the 1920s as a Source for the History of Soviet Jurisprudence. //Vestnik of Omsk University, 1999. No. 1. Pp. 111-114.

[5] Vaisman S. The Rights of Working Women under Soviet Laws. Moscow-Leningrad: 1925. 87 p.

[6] Magerovsky D.A. State Power and the State Apparatus. Moscow-Leningrad: 1924. 180 p.

[7] Trainin A.N. Criminal Law of the RSFSR. Special Part. Crimes against the State and Social Order. Moscow-Leningrad: 1925. 256 p.

[8] Savenkov A.N. Modern Ideologemes and Historiography of Political Science (Analyzing the Works of V.E. Chirkin). //State and Law. 2024. No. 10. Pp. 10-22.

[9] Encyclopedia of State and Law. Ed. P. Stuchka. In 3 volumes. V. 1. Moscow: Publishing House of the Communist Academy. 1929. 888 p.

[10] Zorkin V.D. Soviet Legal Doctrine: Experience and Lessons. 106-115 p. // Kommunist. No. 2. 1989. 106. 115 p.

[11] Reisner M.A. The State of the Bourgeoisie and the R.S.F.S.R. In 3 parts. Moscow-Petersburg: State Publishing House. 1923. 420 p.

[12] Malitsky A.L. Soviet State Law. (Essays). Kharkov: Jurisprudence. 1926. 319 p.

[13] Gurvich G.S. History of the Soviet Constitution. Moscow: Publication of the Socialist Academy. 1923. 216 p.

[14] Turubiner A.M. Essays on the State Structure of the USSR. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. 1925. 64 p.

[15] Shulzhenko Yu.L. Constitutional Control in Russia. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 1996. 175 p.

[16] Vinokurov A.N. On Constitutional Oversight. // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. No. 1. 1925. pp. 3-6.

[17] Vinokurov A.N. On the Supreme Court of the USSR. // Weekly Journal of Soviet Justice. No. 29. 1924. pp. 673-674.

[18] Zagorje B. Do We Need Judicial Protection of the Constitution: (for discussion). // Bulletin of Soviet Justice. No. 17 (123). 1928. Pp. 501-502.

[19] Arkhipov K.A. Law in the Soviet State. Moscow-Leningrad: State Publishing House. 1926. 157 p.

[20] Dyablo V.K. Judicial Protection of Constitutions in Bourgeois States and in the USSR. Moscow: Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. 1928. 118 p.

[19] Levada Yu.A. Dynamics of Social Transition: Possibilities of Analysis. // Kommunist. No. 2. 1989. Pp. 36-45.

